

ЗАОЧНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «НОВЫЙ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ»

М. Б. Кострова*

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ФОРМЫ НОВОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИИ

Часть 2. Общая характеристика языка уголовного закона и основные методологические подходы к разработке теоретической модели языковой формы нового Уголовного кодекса России¹

Аннотация. Рассматриваются общая характеристика языка уголовного закона и основные методологические подходы к разработке теоретической модели языковой формы нового УК РФ.

Исходя из естественно-языкового подхода, автор полагает, что язык уголовного закона представляет собой систему лексических и грамматических средств выражения содержания нормативных правовых предписаний уголовного закона (уголовно-правовых предписаний). Онтологический статус языка уголовного закона предопределяется его принадлежностью к естественному (для УК РФ — русскому) языку и жанровой адаптированностью к сфере уголовно-правового регулирования. Доказывается, что языку уголовного закона должны быть присущи две основные характеристики — точность и ясность. Точность определяется как максимально полное соответствие между законодательной мыслью (законодательной волей) и выражением этой мысли (воли) в формулировках закона; ясность означает определенность, отчетливость выражения законодательной мысли (законодательной воли) в формулировках закона. Аргументируется, что язык уголовного закона является специализированным языком, рассчитанным в основном на специалистов-юристов, а гражданам, которым адресованы уголовно-право-

¹ Первую часть статьи см.: Кострова М. Б. Теоретическая модель языковой формы нового Уголовного кодекса России. Часть 1. Теоретические подходы к пониманию онтологического статуса языка уголовного закона // Lex Russica. 2015. № 12 (т. CIX). С. 87—103.

© Кострова М. Б., 2016

* Кострова Марина Борисовна, кандидат юридических наук, профессор Башкирского государственного университета

kostrovam@mail.ru

450005, Россия, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131

вые запреты, достаточно иметь общее представление о том, что под угрозой наказания нельзя совершать то, что в Особенной части УК поименовано как преступление. Однако данное суждение не следует считать абсолютным, так как в систему отечественного уголовного права включен ряд уполномочивающих норм, наделяющих человека правом на причинение вреда при соблюдении установленных уголовным законом условий, в связи с чем эти условия должны быть прописаны естественным, общедоступным языком, понятным их основным адресатам — «обычным людям», без использования неизвестных, малоизвестных, узкоспециальных уголовно-правовых терминов.

Предложены основные методологические подходы к разработке теоретической модели языковой формы нового УК РФ, базирующиеся как на собственно юридических методах (сравнительно-правовой и историко-правовой), так и методах, присущих лингвистике (лингвистического описания, контекстуального анализа, интерпретативного метода).

Ключевые слова: уголовный закон, язык уголовного закона, онтологический статус, стиль уголовного закона, точность и ясность уголовно-правовых предписаний, «естественно-языковой» подход, законодательный термин, бланкетная терминология, дефинирование понятий и терминов, изобразительно-выразительные средства языка.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.121.12.041-055

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Исходя из естественно-языкового подхода язык уголовного закона может быть охарактеризован следующим образом. Онтологический статус языка уголовного закона предопределяется его принадлежностью к естественному (для УК РФ — русскому) языку и жанровой адаптированностью к сфере уголовно-правового регулирования, поэтому язык уголовного закона следует рассматривать как один из вторичных подстилей (функциональных разновидностей) функционального подстиля «язык закона», входящего в официально-деловой стиль русского литературного языка, в такую его разновидность, как официально-документальный стиль.

Язык уголовного закона представляет собой систему лексических и грамматических средств выражения содержания нормативных правовых предписаний уголовного закона (уголовно-правовых предписаний).

Обратим внимание на то, что хотя естественный язык, который в законодательстве выступает

в качестве формы выражения содержания нормативных правовых предписаний, имеет три уровня (яруса), приведенное авторское определение языка закона включает только два уровня (яруса) языка². Такой подход основывается на концептуальных положениях языкознания, к числу которых относятся следующие.

В естественном языке можно выделить знаковые и незнаковые уровни. Лексика — это совокупность слов языка и грамматика — формальный строй языка (система морфологических категорий и форм, синтаксических категорий и конструкций) являются знаковыми уровнями. Это уровни, образованные языковыми знаками — единицами языка или комбинациями единиц, заменяющими или указывающими на внеязыковую сущность (предмет, свойство, отношение, событие, положение дел), когда последняя становится предметом мыслительно-речевой деятельности. Их знаковость определяется следующим:

- 1) общественная природа языка обнаруживается прежде всего в его лексике;
- 2) основной значимой единицей языка является слово;

² Фонетический уровень — звуковой строй языка, бесспорно, представлен в законодательных текстах в виде обозначенных на письме звуковых единиц (графика) в соответствии с правилами их написания (орфография), но звук, будучи основной единицей языка наряду со словом и предложением, в отличие от последних, сам по себе никакого значения не имеет. Поэтому вполне справедливо ввиду незнакового характера (в сформулированном выше смысле) не относить звуковой строй языка к числу средств выражения содержания нормативных предписаний закона.

- 3) совокупность слов языка составляет его лексику;
- 4) слово — важнейшая структурно-семантическая единица языка, служащая для наименования предметов, процессов, свойств, явлений, отношений действительности;
- 5) в любом знаменательном слове совмещаются два значения — лексическое и грамматическое;
- 6) лексическое значение — это содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении;
- 7) грамматическое значение слова выступает как добавочное к лексическому и определяет его принадлежность к определенной части речи, а также особенности его видоизменения (склонение, спряжение);
- 8) слова отличаются преимущественное употребление в соединении с другими словами: в процессе общения из слов строятся словосочетания, а из последних — предложения.

В рамках единого законодательного языка (языка закона) существуют отраслевые стилевые особенности, т. е. определенная совокупность способов (приемов) использования языковых средств в законах разной отраслевой принадлежности. Соответственно, языку уголовного закона присущи особенности лексического состава и грамматического строя. Язык и стиль уголовного закона — перекрещивающиеся понятия, тем не менее стиль — явление самостоятельное, хотя и вторичное по отношению к языку. *Стиль уголовного закона* представляет собой совокупность способов (приемов) использования языковых средств в уголовном законе с учетом специфики его содержания.

Функции языка уголовного закона представляют собой проявление его сущности, его назначения в обществе, т. е. они являются его характеристиками, без которых не может быть определена его прагматическая роль. Выполнение таких базовых функций естественного языка, как сообщение и воздействие, при жанровой адаптированности к сфере уголовно-правового регулирования преобразует их в единую функцию выражения содержания нормативных правовых предписаний уголовного закона (уголовно-правовых предписаний).

Законодательному языку, независимо от функциональных разновидностей, должны быть присущи две основные характеристики — точность и ясность, что обусловлено

выполняемыми им функциями сообщения и воздействия. Точность можно определить как максимально полное соответствие между законодательной мыслью (законодательной волей) и выражением этой мысли (воли) в формулировках закона; ясность означает определенность, отчетливость выражения законодательной мысли (законодательной воли) в формулировках закона. В юридической литературе ясность обычно связывают с простотой и понятностью (доступностью) закона его адресатам (читателям).

Не имея возможности в рамках настоящей публикации уделить большое внимание рассмотрению дискуссионного вопроса об адресатах уголовного закона, полагаю возможным ограничиться следующими суждениями. Представляется, что требование ясности, простоты и доступности языка закона для всех, в том числе обычных людей — неюристов, никогда не сможет быть реализовано в российском уголовном законодательстве по объективным причинам, которые заключаются в следующем:

- 1) специализации человеческого знания в различных профессиональных сферах;
- 2) аккумуляции в языковых знаках наряду с общепринятыми еще и личностных смыслов, предопределенных миром повседневности каждого интерпретатора, опытом и социально-культурными ценностями, полученными им в процессе социализации;
- 3) потребности совмещения ясности и краткости языка уголовного закона.

На основании этого можно сделать вывод: язык уголовного закона является специализированным языком, рассчитанным в основном на специалистов-юристов, а гражданам, которым адресованы уголовно-правовые запреты, достаточно иметь общее представление о том, что под угрозой наказания нельзя совершать то, что в Особенной части УК поименовано как преступление. Поэтому первоочередная задача законодателя видится в достижении максимальной ясности языка уголовного закона для правоприменителей. Соответствие языка уголовного закона требованиям точности и ясности уменьшает количество проблемных ситуаций нетипичного правоприменения, с усложненным толкованием уголовно-правовых норм, с широкими границами усмотрения правоприменителей.

Иногда без разъяснений Пленума Верховного Суда РФ правоприменительная практика вообще «не идет», если при формулировании

уголовно-правовой нормы используются термины³, не обладающие такими необходимыми признаками, как наличие строго фиксированного содержания и легальной дефиниции. Одним из наиболее ярких примеров, подтверждающих этот факт, является практика применения уголовно-правовой нормы об ответственности за организацию преступного сообщества или участия в нем (ст. 210 УК РФ), в основе которой лежит понятие преступного сообщества (преступной организации), закрепленное в ч. 4 ст. 35 УК РФ. Для обозначения одного из его основных существенных признаков в первоначальной редакции ч. 4 ст. 35 УК РФ использовался термин «сплоченность». В отсутствие его законодательной дефиниции (разъяснения, раскрывающего его значение) достаточно сложно было отграничить «сплоченную организованную группу (организацию)» (ч. 4 ст. 35 УК) от «простой» организованной группы (ч. 3 ст. 35 УК РФ). Но при острой потребности в разъяснениях нормативных предписаний, содержащихся в ч. 4 ст. 35 и в ст. 210 УК РФ, соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)»⁴ было принято только 10 июня 2008 г., т. е. спустя одиннадцать с половиной лет после введения в действие УК РФ (с 1 января 1997 г.). Статистические показатели — данные о количестве всех осужденных по ст. 210 УК РФ

(с учетом основной и дополнительной квалификации) за 2003—2015 гг.⁵ свидетельствуют о том, что принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ, хотя и запоздалое, дало видимые ощутимые результаты — значительный рост применяемости ст. 210 УК РФ начался именно с 2008 г. (2003 г. — 17; 2004 — 20; 2005 — 44; 2006 — 60; 2007 — 54; 2008 — 189; 2009 — 207; 2010 — 253; 2011 — 303; 2012 — 293; 2013 — 137; 2014 — 346; 2015 г. — 443). Рост продолжился под воздействием уже двух факторов: изменения в 2009 г. существенных признаков понятия преступного сообщества на законодательном уровне⁶ и оперативного их разъяснения Пленумом в 2010 г.⁷ После 2010 г. судебная практика достаточно уверенно отграничивает преступное сообщество в форме структурированной организованной группы (ч. 4 ст. 35 УК РФ) от организованной группы (ч. 3 ст. 35 УК РФ) по основному признаку — структурированности (наличию внутренней структуры, состоящей из нескольких подразделений (подгрупп, звеньев), т. е. обособленных групп, характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий)⁸.

Однако считать это заслугой исключительно законодателя не следует, так как определение понятия преступного сообщества (преступной организации) в УК РФ сейчас сформулировано с использованием терминологии, еще более сложной для уяснения, чем прежде — «структурированная организованная группа»,

³ В лингвистике термином считается слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности (см.: Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1997. С. 556).

⁴ Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://vsrf.ru/second.php> (дата обращения: 12.05.2016).

⁵ См.: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003—2007 годы ; Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008—2014 годы ; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> ; URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (дата обращения: 12.05.2016).

⁶ Федеральный закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 45. Ст. 5263.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Официальный сайт Верховного Суда РФ URL: <http://vsrf.ru/second.php> (дата обращения: 12.05.2016).

⁸ См., например: кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 июля 2012 г. № 5-О12-47 и от 18 октября 2012 г. № 45-О12-59 ; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 апреля 2014 г. № 5-АПУ14-16 // Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды». Разъяснения же, раскрывающие ее значение, а также значение терминов с неясным содержанием, используемых при формулировании диспозиции ст. 210 УК РФ, содержатся не в основном источнике российского уголовного права — УК РФ, а в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Такая ситуация крайне нежелательна с точки зрения принципа законности, так как преступность деяния, согласно ст. 3 УК РФ, определяется только Кодексом.

Еще хуже с точки зрения соблюдения принципа законности дело обстоит тогда, когда нормативные предписания уголовного закона не соответствуют требованиям точности и ясности, а потребности правоприменения в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ остаются неудовлетворенными. В этих случаях нередко начинает «работать» судебный прецедент. Однако такая практика может оказаться противоречивой: в решениях, отраженных в постановлениях Президиума и определениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, могут встречаться различные позиции, высказанные по одному и тому же вопросу.

Проиллюстрируем это на примере общепотребительного слова «доход», имеющего специфическое уголовно-правовое содержание в ст. 171 УК РФ, т. е. ставшего в Кодексе термином, обозначающим один из альтернативных обязательных признаков состава незаконного предпринимательства («извлечение дохода в крупном размере»). При этом если количественное выражение суммы дохода имеет законодательное определение (в примечании к ст. 169 УК РФ с 2004 г.), то собственно понятие дохода — не имеет. В теории уголовного права термин «доход» изначально толковался неоднозначно:

1) как вся сумма выручки, полученной от незаконной предпринимательской деятельности, без вычета расходов (валовой доход);

2) как чистая прибыль, т. е. как разница между всем полученным от незаконной предпринимательской деятельности и понесенными затратами⁹.

Практика привлечения к уголовной ответственности по ст. 171 УК РФ с учетом рассматриваемого признака пошла в основном по пути признания в качестве дохода всей суммы поступлений от незаконного предпринимательства. Эта многолетняя устоявшаяся практика была, по выражению П. С. Яни, «сломана» несколькими решениями Верховного Суда РФ, после чего сотни уголовных дел были прекращены или в их возбуждении было отказано¹⁰.

В частности, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении от 17 декабря 1998 г. по делу Л. указала, что доход, предусмотренный ст. 171 УК РФ, следует определять как разницу между полученной от предпринимательской деятельности прибылью и расходами, понесенными в результате этой деятельности. Ранее вынесенное постановление президиума Тульского областного суда по делу Л. было отменено как не основанное на законе, поскольку им констатировалось, что под доходом при незаконном предпринимательстве понимается сумма, полученная при реализации товара без учета различных расходов, образующихся при продаже. Это определение было опубликовано в Бюллетене Верховного Суда РФ под заголовком: «При исчислении подоходного налога с доходов, полученных от предпринимательской деятельности, исключению подлежат документально подтвержденные и фактически произведенные расходы, связанные с реализацией имущества»¹¹. Сходное разъяснение было дано в постановлении Президиума Верховного Суда РФ № 1061п98 по делу К.: «Предусмотренный диспозицией ч. 1 ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство) квалифицирующий признак данного состава преступления — извлечение дохода в крупном размере — составляет выгоду, полученную от незаконной предпринимательской деятельности, за вычетом расходов, связанных с ее осуществлением»¹².

⁹ См.: Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (Комментарий к главе 22 УК РФ). Ростов н/Д : Феникс, 1999. С. 65.

¹⁰ Яни П. С. Проблемы уголовной ответственности за экономические преступления // Законность. 2001. № 1. С. 6.

¹¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 7.

¹² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 1999 г. по уголовным делам // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 7.

Верховный Суд РФ создал прецедент, которому достаточно долго следовала правоприменительная практика. Хотя его нельзя признать безупречным с позиций теоретического обоснования и реальной практической исполнимости, суды были сориентированы именно на него: «Закон не определяет понятие дохода ни как валовой доход, ни как прибыль, полученная за вычетом затрат... в настоящее время сложилась определенная практика привлечения к ответственности за незаконное предпринимательство, и при определении понятия “доход” суды области из объема валового дохода вычитают документально подтвержденные затраты, связанные с осуществлением данной предпринимательской деятельности»¹³.

Но в 2004 г. и эта практика опять была «сломана» — на этот раз уже не судебным прецедентом, а в результате праворазъяснительной деятельности Пленума Верховного Суда РФ. Так, в п. 12 постановления от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем»¹⁴ Пленум разъяснил: «Под доходом в статье 171 УК РФ следует понимать выручку от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности».

Как видим, результатом отказа законодателя от разъяснения содержания подобных терминов непосредственно в тексте уголовного закона (своеобразная стилистическая фигура умолчания), равно как и последствием иных проявлений неточности и неясности языкового выражения уголовно-правовых предписаний, становится негативное влияние на складывающуюся пра-

воприменительную практику. Заметим также, что при изменении правовой позиции Верховного Суда РФ либо его Пленума невозможно легальное обеспечение ретроспективного действия их разъяснений, улучшающих положение лиц, совершивших преступления, и соблюдение запрета на обратную силу содержащихся в них правил, ухудшающих положение лиц, совершивших преступления. Иными словами: положения ст. 10 УК РФ об обратной силе распространяются только на сам уголовный закон, но не на акты судебного толкования. В данном случае имеется в виду отсутствие законодательных предписаний, хотя к настоящему времени Конституционный Суд РФ выработал (применительно к арбитражному процессуальному праву) следующую позицию: «В российской судебной системе толкование закона высшими судебными органами оказывает существенное воздействие на формирование судебной практики. По общему правилу оно фактически — исходя из полномочий вышестоящих судебных инстанций по отмене и изменению судебных актов — является обязательным для нижестоящих судов на будущее время. Вместе с тем в качестве правового последствия такого толкования в тех случаях, когда в силу общеправовых и конституционных принципов возможно придание ему обратной силы, допускается пересмотр и отмена вынесенных ранее судебных актов, основанных на ином толковании примененных норм», что «предполагает необходимость прямого указания в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда... или постановления Президиума... на возможность придания приведенному в нем толкованию норм права обратной силы» и «недопустимость придания обратной силы нормативному регулированию посредством толкования, ухудшающего положение лица»¹⁵.

¹³ Обзор Кемеровского областного суда от 18 сентября 2003 г. № 01-19/322 «Обзор судебной практики по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, рассмотренным судами Кемеровской области в 2002 г. — первом полугодии 2003 г.» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (в ред. от 7 июля 2015 г. № 32) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://vsrf.ru/second.php> (дата обращения: 12.05.2016).

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 4 ст. 170, п. 1 ст. 311 и ч. 1 ст. 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Производственное объединение “Берег”, открытых акционерных обществ “Карболит”, “Завод “Микропровод”” и “Научно-производственное предприятие “Респиратор”». П. 3.4, 4, 5 мотивировочной части // СЗ РФ. 2010. № 6. Ст. 69.

Одновременно с этим Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал конституционно-правовую и отраслевую значимость общеправового критерия формальной определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы (формальной определенности закона), обусловленного природой нормативного регулирования в правовых системах, основанных на верховенстве права, указывая, что «неопределенность содержания правовых норм влечет неоднозначное их понимание и, следовательно, неоднозначное применение, создает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит — к нарушению... конституционных принципов, реализация которых не может быть обеспечена без единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями»¹⁶.

Вернемся к выводу о том, что язык уголовного закона является специализированным языком, рассчитанным в основном на специалистов-юристов. Данное суждение не следует считать абсолютным, так как в систему отечественного уголовного права включен ряд управомочивающих норм, наделяющих человека правом на причинение вреда при соблюдении установленных уголовным законом условий (гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния»), в связи с чем эти условия должны быть прописаны естественным, общедоступным языком, понятным их основным адресатам — «обычным людям»¹⁷, без использования неизвестных, малоизвестных, узкоспециальных уголовно-правовых терминов.

Так, одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния, является необходимая оборона (ст. 37 УК РФ), при этом право самообороны относится к числу естественных прав человека, данных ему природой, поэтому не

создается и не даруется государством, а только признается и санкционируется им. Это естественное право принадлежит каждому, что признано и международным сообществом государств¹⁸, и нашим государством, причем не только на отраслевом уровне (ч. 3 ст. 37 УК РФ), но и на конституционно-правовом (согласно ч. 2 ст. 45 Конституции РФ каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом). Более того, государство наделяет каждого человека равным правом защиты «чужих» правоохраняемых благ и интересов — прав и свобод других лиц, охраняемых законом интересов общества и государства (ч. 1 ст. 37 УК РФ). Вместе с тем природа необходимой обороны как естественного права человека и одновременно как вынужденного обстоятельства, обладающего социальной полезностью, направленного на противодействие преступности собственными силами и средствами человека, требует от государства не только закрепления права на необходимую оборону, но и установления возможных пределов реализации этого права. В связи с этим в ст. 37 УК РФ включен комплекс нормативных предписаний, определяющих правомерность необходимой обороны. В теории уголовного права и в судебной практике их называют условиями правомерности необходимой обороны (при их соблюдении действия, причинившие вред объектам уголовно-правовой охраны, не образуют преступления), и именно они должны быть прописаны естественным, общедоступным языком, понятным их основным адресатам — «обычным людям».

Все изложенное — из сферы должного, а теперь обратим внимание на реалии.

В 2002 г. ст. 37 УК РФ была кардинально изменена¹⁹, и в настоящее время она предусматривает два вида общественно опасных посягательств, при наличии которых допуска-

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П. П. 4.

¹⁷ Намеренно используется в кавычках просторечное словосочетание «обычные люди», чтобы подчеркнуть следующее: во-первых, их принадлежность к «неспециалистам», т. е. их отличие от профессиональных юристов, способных понимать юридическую терминологию; во-вторых (и это главное), частое забвение законодателем того, что законы пишутся для людей, и если они слишком сложны для понимания, значит, правовая система негуманна и заставляет людей переживать, не зная точно, нарушили они нормы закона или нет.

¹⁸ См.: Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (ч. 2 ст. 2) // СЗ. 2001. № 2. Ст. 163.

¹⁹ Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 29-ФЗ «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 11. Ст. 1021.

ется необходимая оборона: 1) посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1); 2) посягательство, не сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 2). При этом для защиты от посягательства второго вида установлено дополнительное условие (которого нет в ч. 1 ст. 37 УК РФ) — она является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

Концептуальная целесообразность таких изменений авторами — разработчиками законопроекта обосновывалась следующим образом: «В случаях защиты от посягательств на жизнь предъявлять обороняющемуся (либо защищаемому интересы других лиц) человеку требования соразмерять свои действия с характером и опасностью действий нападающего нет оснований... Обстоятельства нападения всегда требуют от человека мгновенной реакции на нападение. Необходимость в этой ситуации производить расчеты с целью определить не только реальность угрозы, но и соразмерность своих действий действиям нападающего существенно ограничивает возможности защиты, а на практике нередко приводит к необоснованному привлечению к уголовной ответственности и осуждению невиновных»²⁰.

Данные изменения повлекли значительные негативные последствия в части обеспечения прав лиц, решившихся на самостоятельную защиту от посягательств второго вида, о которых, как видно по содержанию пояснительной записки к законопроекту, его авторы совершенно забыли. Во-первых, теперь на обороняющегося возлагается дополнительное обременение по уголовно-правовой оценке им посягательства (что в силу естественности права на необходимую оборону делать он и не должен). Авторы новелл, по-видимому, и не задавались вопросом: как человеку, подвергшемуся пося-

гательству (при естественном испуге, волнении и т. п.), определиться и отграничить виды насилия по опасности (неопасности) их для жизни и соответствующие виды угроз применения насилия? К какому виду угрозы следует отнести, например, кулак, занесенный над головой жертвы? Судебная практика может решить этот вопрос следующим образом: «ФИО 01 совершила причинение смерти другому человеку, совершенное при превышении необходимой обороны... Судом установлено, что потерпевший ФИО 02 первым напал на ФИО 01, нанося удар кулаком в голову подсудимой, та упала на пол, ФИО 02 угрожал ее убить, ФИО 01, видя, что потерпевший может снова напасть на нее, испугавшись насилия, опасаясь за свою жизнь, взяла нож со шкафа, когда ФИО 02 направился к ней, зажав кулак, ФИО 01 применила нож... однако, применив в отношении него нож, зная, что потерпевший ФИО 02 не вооружен, превысила пределы необходимой обороны... На момент совершения преступления была реальная угроза ее жизни со стороны потерпевшего...»²¹

Во-вторых (что самое главное), по форме выражения они не соответствуют требованиям ясности и доступности языка уголовного закона для его основных адресатов — «обычных людей», что происходит за счет использования специальных терминов, обозначающих уголовно-правовые понятия «посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни... либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» (ч. 1 ст. 37 УК РФ) и «посягательство, не сопряженное с насилием, опасным для жизни... либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» (ч. 2 ст. 37 УК РФ). Да и юристу — как теоретика, так и практику — достаточно сложно уяснить, что из себя представляет посягательство, обозначенное в ч. 2 ст. 37 УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего

²⁰ См.: Паспорт проекта Федерального закона № 90021178-3 «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации». Пояснительная записка к проекту // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Приговор Сут-Хольского районного суда Республики Тыва по делу № 1-6/2015 от 2 февраля 2015 г. // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/TYiRvwSOzzt/> (дата обращения: 12.05.2016).

²² URL: <http://vsrf.ru/second.php> (дата обращения: 12.05.2016).

преступление»²², частично наметил пути решения этого вопроса, разъяснив: «Под посягательством, защита от которого допустима в пределах, установленных частью 2 статьи 37 УК РФ, следует понимать... например, побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья... и иных деяний (действий или бездействия), в том числе по неосторожности... которые, хотя и не сопряжены с насилием, однако с учетом их содержания могут быть предотвращены или пресечены путем причинения посягающему вреда. К таким посягательствам относятся, например, умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, транспортных средств или путей сообщения» (п. 3). При этом за пределами разъяснений Пленума остались такие важные вопросы, как, например, уголовно-правовая оценка защиты от посягательств на неприкосновенность жилища, на половую свободу и половую неприкосновенность, на честь и достоинство личности.

Для «обычного человека», не читающего постановления Пленума Верховного Суда РФ, сегодня эти вопросы остаются без ответов, а судебная практика может решить их следующим образом: «М.... желая прекратить посягательство на свою половую неприкосновенность со стороны Т., осознавая, что ее действия явно не соответствуют характеру и степени общественной опасности посягательства на нее со стороны Т., превышая пределы необходимой обороны... умышленно, с целью причинения телесных повреждений, взяла нож и нанесла им один удар в область брюшной стенки Т. ...Учитывая изложенное, суд квалифицирует действия М. по ч. 1 ст. 114 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны»²³; «суд... приходит к выводу, что на момент совершения

инкриминируемого У. деяния тот вправе был защищать свою личность и жилище от общественно опасного посягательства, поскольку... П. проник к нему в квартиру и схватил его за шею... Вместе с тем в соответствии с положениями ч. 2 ст. 37 УК РФ обороняющееся лицо не должно допускать умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства. К этому суд относит нанесение У. ножевого ранения П. в жизненно важный орган — спину (ближе к позвоночнику) и расценивает действия У. как превышение пределов необходимой обороны... его действия надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 114 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны»²⁴.

Как видим, сложное даже для юриста деление посягательств на два вида, отсутствие четко выраженных в языковой форме, понятных «обычным людям» правил защиты от посягательств второго вида приводят к тому, что обороняющийся достаточно часто сам становится преступником.

Завершая общую характеристику языка уголовного закона, остановимся на проблеме совмещения ясности и краткости языка уголовного закона. Эта проблема порождена одним из диалектических противоречий²⁵, присущих праву в целом, т.е. наличием в нем противоположных сторон, свойств, тенденций, которые в то же время предполагают друг друга и в составе данного объекта существуют лишь во взаимной связи и единстве. В нашем случае в качестве такового выступает диалектическое противоречие между абстрактностью норм уголовного закона и их применением для урегулирования конкретных уголовно-правовых отношений. Такое имманентно присущее уголовному закону (как и любому закону) свойство, как всеобщность, обуславливает формулирование абсолютного большинства его норм абстрактным способом. Но в то же время существует потребность в их конкретизации при-

²³ Приговор Лебяжьевского районного суда Курганской области по делу № 1-46/2014 от 12 ноября 2014 г. // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/aloGif2l7rml/> (дата обращения: 12.05.2016).

²⁴ Приговор Черногорского городского суда Республики Хакасия по делу №1-24/2015 от 18 февраля 2015 г. // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». (дата обращения: 12.05.2016).

²⁵ Применительно к уголовному праву ряд диалектических противоречий выделен Б. В. Яценко (Яценко Б. В. Противоречия уголовно-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997).

менительно к нуждам адресатов. Однако если сделать это полномасштабно в основном источнике российского уголовного права — УК РФ, то он потеряет указанное свойство всеобщности, а объем его текста увеличится до невероятных размеров. Не думаю, что следует переписать весь российский УК по образцу ст. 2 гл. 12 УК Швеции: «Лицо, которое в лесу или в поле незаконно берет растущие деревья или траву или берет с растущих деревьев ветви, сучья, бересту, кору, листья, лыко, желуди, орехи или смолу растущих деревьев или упавшие деревья, камень, гравий, дерн или подобные предметы, не подготовленные для использования, должно быть приговорено за нарушение владения, а если преступление рассматривается как мало-значительное, то исходя из ценности того, что было взято, и других обстоятельств»²⁶. Кажущаяся простота и ясность приведенного фрагмента текста в силу его громоздкости делает язык уголовного закона трудновоспринимаемым. Н. Ф. Кузнецова отмечала, что, по мнению филологов, наиболее доступны пониманию фразы из семи слов²⁷.

Поэтому перед законодателем стоит сложнейшая задача: с использованием минимально возможного количества лексических единиц объективировать свою мысль (волю) вовне отчетливо и полно.

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ ФОРМЫ НОВОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИИ

При моделировании языковой формы нового УК России, как думается, нет нужды изобретать что-то радикально новое, достаточно в полной мере использовать накопленный позитивный зарубежный и отечественный опыт. При этом необходимо иметь в виду следующее.

Первое. Возможности сравнительно-правового метода для оптимизации языкового выражения нормативных предписаний российского уголовного закона ограничены, так как каждый национальный закон пишется на

оригинальном национальном языке, который имеет особенности лексического состава и грамматического строя. В связи с этим прямое заимствование иноязычной лексики (в том числе и терминологии), а также грамматических конструкций, присущих определенному иностранному языку, в российском УК невозможно. Поэтому для совершенствования языкового выражения нормативных предписаний российского уголовного закона значение имеют не собственно национальные системы лексических и грамматических средств, а позитивный опыт в части общих подходов к их использованию для формирования содержания уголовно-правовых предписаний.

Второе. Возможности исторического метода для оптимизации языкового выражения нормативных предписаний современного российского уголовного закона тоже ограничены, так как языки уголовных законов дореволюционного периода и первоначального этапа советского периода истории России имели особенности лексического состава и грамматического строя. В связи с тем, что устаревшие лексика и грамматические конструкции не отражают современное состояние русского литературного языка, их прямое заимствование сейчас невозможно, но учет опыта их использования для формирования содержания уголовно-правовых предписаний позволяет не терять удачные законодательные решения прошлого.

Используя приведенные выше примеры из судебной практики, обратимся к зарубежным и отечественным примерам формальной определенности нормативных предписаний уголовного закона. Примером точности и ясности языкового выражения понятия преступного сообщества (преступной организации) может служить содержание ст. 47 УК Республики Молдова, в которой установлено: «Преступной организацией (преступным сообществом) признается объединение преступных групп в устойчивое сообщество, деятельность которого основана на разделении между членами организации и ее структурами функций управления, обеспечения и исполнения преступных замыслов с целью влияния на

²⁶ Уголовный кодекс Швеции 1962 г. // Веб-сайт парламента Швеции Sveriges riksdag. URL: http://riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/brottsbalk-1962700_sfs-1962-700 (дата обращения: 12.05.2016).

²⁷ Кузнецова Н. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Социалистическая законность. 1973. № 9. С. 33.

экономическую и другую деятельность физических и юридических лиц или контроля за такой деятельностью в других формах для получения выгод и реализации экономических, финансовых или политических интересов»²⁸. Еще одним образцом может служить ч. 3 ст. 31 УК Республики Казахстан 2014 г., отсылающая к ст. 3, где даются разъяснения понятий «преступное сообщество», «преступная организация», «преступная группа» и т. п.²⁹

Примером точности и ясности языкового выражения понятия «доход» можно считать ст. 233 УК Республики Беларусь³⁰, в состав которой включено примечание 1, содержащее подробнейшее описание значения термина, обозначающего данное понятие: «Под доходом от незаконной предпринимательской деятельности, которая в соответствии с законодательными актами является запрещенной либо осуществляется без регистрации в установленном законодательством порядке, следует понимать всю сумму выручки (дохода — для индивидуальных предпринимателей, применяющих общий порядок налогообложения) в денежной или натуральной форме без учета затрат на ее (его) получение. Доход, полученный в натуральной форме, подлежит определению в денежном выражении. Под доходом от незаконной предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии), следует понимать сумму выручки (дохода — для индивидуальных предпринимателей, применяющих общий порядок налогообложения) от реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав, полученной (полученного) по этой деятельности, за вычетом косвенных налогов, а также понесенных при осуществлении указанной деятельности документально подтвержденных затрат по производству и реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав, учитываемых при применении общего порядка налогообложения (в том числе таких затрат, понесенных в период применения особого режима налогообложения). Доход,

полученный в натуральной форме, подлежит определению в денежном выражении. Под доходом от незаконной предпринимательской деятельности, сопряженной с привлечением денежных средств, электронных денег или иного имущества граждан, следует понимать всю сумму (стоимость) привлеченных денежных средств, электронных денег или иного имущества. Доход, полученный в натуральной форме, подлежит определению в денежном выражении». Соответственно перипетии с судебным толкованием термина «доход» в составе незаконного предпринимательства, подобные российским, исключены.

Приведем примеры придания ясности языковому выражению нормативных предписаний уголовного закона для их основных адресатов — «обычных людей» при формулировании правил необходимой обороны:

1) «Не является уголовным правонарушением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т.е. при защите личности, жилища, собственности, земельного участка и других прав обороняющегося или иных лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны» (ч. 2 ст. 32 УК Республики Казахстан);

2) «Превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты... в результате чего посягающему причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред... Не является превышением пределов необходимой обороны причинение вреда лицу, посягающему на жизнь человека, либо при отражении иного посягательства, сопряженного с вооруженным нападением или насилием, опасным для жизни обороняющегося или других лиц, либо с непосредственной угрозой такого насилия, либо с насильственным вторжением в жилище, помещение...» (ч. 3 ст. 32 УК Республики Казахстан);

²⁸ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изм. и доп. от 9 апреля 2015 г. № 36) // Информационная система «Континент». URL: <http://continent-online.com/> (дата обращения: 12.05.2016).

²⁹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V // Информационная система «Континент». URL: <http://continent-online.com/> (дата обращения: 12.05.2016).

³⁰ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 // Информационная система «Континент». URL: <http://continent-online.com/> (дата обращения: 12.05.2016).

3) «Необходимой обороной признаются действия... путем причинения посягающему вреда, необходимого и достаточного в данной обстановке для незамедлительного предотвращения либо пресечения посягательства, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны» (ч. 1 ст. 36 УК Украины)³¹;

4) «Не является превышением пределов необходимой обороны и не имеет последствием уголовную ответственность применение оружия или каких бы то ни было иных средств для защиты от нападения вооруженного лица или группы лиц, а также для предотвращения противоправного насильственного вторжения в жилище либо другое помещение, независимо от тяжести вреда, причиненного посягающему» (ч. 5 ст. 36 УК Украины);

5) «В состоянии необходимой обороны признается лицо, совершающее деяние с целью отражения прямого, немедленного, материального и реального нападения, направленного против него, другого лица или против общественных интересов и представляющего крайнюю опасность для личности или прав обороняющегося либо для общественных интересов. Признается действовавшим в целях необходимой обороны лицо, совершившее действия, предусмотренные частью (2), для воспрепятствования проникновения в жилое или иное помещение, сопровождающегося опасным для жизни или здоровья насилием либо угрозой такого насилия» (ч. 2 и 3 ст. 36 УК Республики Молдова).

Подобные примеры придания ясности нормативным предписаниям уголовного закона можно обнаружить и в русском дореволюционном уголовном законодательстве. Так, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. «необходимость обороны» признавалась «причиной, по коей содеянное не должно быть вменено в вину» (п. 6 ст. 98, ст. 107, 108), при «нанесении притом нападающему ран, увечья и самой смерти», когда «от нападения действительно подвергались опасности жизнь, здоровье или свобода обороняющегося... или нападающий вторгнулся с насилием в жительство обороняющегося» и «со стороны женщины против посягающего насильственно на ее целомудрие и честь»³².

Вместе с тем при разработке теоретической модели нового УК России представляется целесообразным учесть предшествующий отечественный негативный опыт, прежде всего ближайший — УК РФ, чтобы не повторять ошибки прошлого. С учетом опыта такого рода предлагаются следующие методологические подходы.

1. Одним из основных способов придания точности и ясности уголовно-правовым предписаниям является соблюдение правила об однозначности терминологии, которое сводится к формуле «одно понятие — один термин», что требует отказа от полисемии (многозначности) и синонимии (одноименности) терминологии.

Однако при этом существует проблема вхождения естественного (русского) языка в текст уголовного закона: хотя обычное слово в нем приобретает некий новый оттенок значения, обусловленный тем, что слово становится неотъемлемым компонентом нормативного правового предписания как единого, цельного знака со специфическим уголовно-правовым смыслом, тем не менее слова для него отбираются из общего словарного состава национального языка: во-первых, он имеет богатейшую синонимику, во-вторых, многозначность слова является неотъемлемым свойством естественного русского языка.

Объективно существующие особенности естественного языка не позволяют полностью избежать синонимии и полисемии в уголовном законе и тем самым обеспечить его терминологическое единство, поэтому наряду с максимально возможным отказом от них необходим поиск рациональных способов использования этих естественных проявлений языка в тексте уголовного закона.

Универсальным способом придания вполне определенного значения полисемичным (многозначным) и синонимичным (одноименным) терминам является дефинирование таких терминов во всех конкретных уголовно-правовых значениях, которые они имеют, с указанием, для целей каких (какого) уголовно-правовых предписаний пригодно то или иное значение. Так как применение данного способа способно существенно увеличить объем текста уголов-

³¹ Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III (с изм. и доп. от 15 марта 2016 г. № 1022-VIII) // Информационная система «Континент». URL: <http://continent-online.com/> (дата обращения: 12.05.2016).

³² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. СПб., 1845.

ного закона, его следует сочетать с частными способами, к числу которых относятся:

- 1) уточнение значения многозначных слов в ближайшем контексте — тексте статей, в которых они употребляются;
- 2) использование синонимов, выполняющих функцию уточнения;
- 3) использование синонимов, выполняющих функцию замещения.

2. Дефинирование — создание и включение в уголовный закон дефиниций, т.е. с точки зрения логики кратких определений используемых в нем понятий или с точки зрения лингвистики, разъяснений (толкования) используемых в нем терминов, — должно осуществляться с учетом комплексности логико-языковой и правовой природы нормативных дефиниций.

Единая логико-языковая природа любой дефиниции обуславливается тем, что понятие (концепт) — явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей: значение — в системе языка, понятие — в системе логических отношений и форм.

Дефиниции, включенные в уголовный закон, обладают свойством нормативности, но не являются нормами права в традиционном, общепризнанном понимании — «правовая норма — это общеобязательное правило поведения», а представляют собой самостоятельные, логически завершенные, структурированные нормативные правовые предписания — предписания-дефиниции, являющиеся элементами содержания гипотез, либо диспозиций, либо санкций соответствующих уголовно-правовых норм.

Общий методологический подход к отбору терминов, требующих дефинирования, заключается в следующем. Определяя необходимый объем разъясняемых терминов (понятий, ими обозначаемых), законодатель должен руководствоваться потребностями практики единообразного толкования и применения уголовно-правовых норм, в которых используются эти термины (понятия). Вербальная (словесная) законодательная дефиниция должна быть значима, о потребности в ней могут свидетельствовать два показателя. Главный показатель — обнаружившиеся в правоприменительной практике (или смоделированные на стадии разработки законопроекта) различные варианты толкования термина (понятия), влекущие (или способные повлечь) отсутствие единообразной практики либо полное отсут-

ствие практики применения уголовно-правовой нормы с соответствующим этому термину неясным признаком. Вторым показателем может служить отсутствие доктринальной конвенциональности, т.е. существование теоретических дискуссий о содержании этого термина в контексте содержания данной нормы в целом.

Целесообразно ввести в УК РФ новый раздел (последний) — «Понятия и термины, используемые в Уголовном кодексе», в который включить дефиниции понятий и терминов, имеющих в настоящее время различную семантическую (смысловую) интерпретацию в правоприменительной деятельности и доктрине уголовного права. К ним относятся следующие дефиниции.

Во-первых, дефиниции терминов, т.е. отдельных слов или словосочетаний, состоящих из двух слов, отвечающих четырем критериям в совокупности:

- 1) обозначающих используемые в Общей части и (или) используемые при конструировании многих либо нескольких диспозиций статей Особенной части УК РФ общеупотребительные понятия и понятия иных отраслей права в специфическом уголовно-правовом значении;
- 2) не обозначающих основополагающие, собственные уголовно-правовые понятия Общей части УК РФ, а также не являющихся номинациями (названиями) видов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ;
- 3) имеющих одно значение в пределах всего УК РФ;
- 4) значение которых может быть представлено в виде классических родо-видовых дефиниций или исчерпывающих перечневых определений, т.е. имеющих строго фиксированное содержание.

Во-вторых, дефиниции:

- 1) многословных словосочетаний, состоящих из четырех и более слов, употребляемых для выражения сложных понятий, каждому из которых соответствует свой термин («предметы, используемые в качестве оружия»);
- 2) оценочных понятий с примерными критериями оценки;
- 3) многозначных терминов с указанием вариантов уяснения их значений.

Что касается дефиниций однословных и составных терминов, обозначающих основополагающие, собственные уголовно-правовые понятия Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (уголовная ответственность, деяние, общественная опасность деяния, мало-

значительное деяние, вина, продолжаемое преступление, длящееся преступление, субъект преступления, вменяемость и т. п.), то их, как думается, целесообразно вводить в Общую часть УК РФ при первом упоминании таких терминов. Данные дефиниции необходимы либо в силу основополагающего значения определяемых ими понятий (уголовной ответственности, вины, субъекта преступления, вменяемости) и (или) в связи с отсутствием конвенциональных определений в доктрине уголовного права (деяния, общественной опасности деяния), либо для перехода от судебного толкования к легитимному аутентическому (длящегося преступления, продолжаемого преступления).

3. Терминология уголовного закона весьма неоднородна по отраслевой принадлежности, т.е. далеко не все термины, используемые в уголовном законе, являются собственно уголовно-правовыми, так как специфика уголовного закона обуславливает наличие в нем значительного количества терминов иных отраслей права, причем в основном позитивного (бланкетных терминов), которые регулируют общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Поэтому необходимо особое внимание уделять бланкетным терминам уголовного закона — заимствованным словам или словосочетаниям, обозначающим иноотраслевые понятия, — международного права либо отраслей (подотраслей) российского права (конституционного, водного, воздушного, гражданского, административного, военного, трудового, семейного, банковского, таможенного, налогового, бюджетного, транспортно-уголовно-процессуального и др.), используемым в формулировках бланкетных уголовно-правовых предписаний.

Для согласования языкового выражения нормативных предписаний уголовного закона, сформулированных с использованием бланкетной терминологии, и нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности требуется:

- 1) обеспечение единства терминологических обозначений, т.е. воспроизведение в уголовном законе заимствованного термина строго в той словесной форме, которая принята в актуальной редакции закона или иного нормативного правового акта иной отраслевой принадлежности;
- 2) межотраслевое согласование содержания бланкетных терминов, т.е. воспроизведение в уголовном законе заимствованного термина строго в том значении, которое принято в актуальной редакции закона или

иного нормативного правового акта иной отраслевой принадлежности;

- 3) придание в уголовном законе заимствованному термину значения, отличного от принятого в законе или ином нормативном правовом акте иной отраслевой принадлежности, допустимо, но в обязательном порядке должно сопровождаться дефинитивным предписанием, т.е. содержание такого термина должно быть раскрыто непосредственно в тексте уголовного закона;
- 4) корректировка бланкетной терминологии в уголовном законе одновременно с заменой или исключением существующих либо вводом новых терминов в корреспондирующей отрасли права.

При обязательности согласования языкового выражения уголовно-правовых предписаний с нормативными предписаниями иных отраслей права (как национального, так и международного) особое значение имеет согласование языкового выражения нормативных предписаний уголовного и уголовно-процессуального законов, так как в уголовном судопроизводстве они применяются совокупно, соответственно, не должны противоречить друг другу.

4. С учетом российской традиции использования в тексте уголовного закона тропов и стилистических фигур, т.е. языковых феноменов, относимых лингвистами к изобразительно-выразительным средствам языка (с целью экономии текста все без исключения статьи Особенной части УК РФ пишутся с использованием метонимии и синонимического употребления времен, связанных с видами глаголов, нередко здесь же используются троп в виде синекдохи, стилистические фигуры умолчания и бессоюзия), следует учитывать позитивные и негативные последствия использования таких средств в уголовном законе. Требуется избирательный подход к ним, обязательны прогнозирование их влияния на точность и ясность выражения содержания тех уголовно-правовых предписаний, где они используются, отказ от них при неблагоприятном прогнозе — об отсутствии единообразной практики применения (или полном неприменении) соответствующей уголовно-правовой нормы.

Существует еще множество более частных методологических правил совершенствования языковой формы уголовного закона, которые также следует учитывать при разработке нового Уголовного кодекса России, но осветить их все в рамках настоящей публикации не представляется возможным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кузнецова Н. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Социалистическая законность. — 1973. — № 9.
2. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (комментарий к главе 22 УК РФ). — Ростов н/Д, 1999.
3. Яни П. С. Проблемы уголовной ответственности за экономические преступления // Законность. — 2001. — № 1.

Материал поступил в редакцию 13 мая 2016 г.

A THEORETICAL MODEL OF A LINGUISTIC FORM OF A NEW CRIMINAL CODE OF RUSSIA

Part 2. A general description of a language of criminal law and basic methodological approaches to the development of a theoretical model of a linguistic form of a New Criminal Code of Russia³³

KOSTROVA Marina Borisovna — PhD, Professor at the Bashkir State University
kostrovam@mail.ru
450005, Russia, Ufa, ul. Dostoyevskogo, d. 131

Review. The paper discusses a general description of the language of criminal law and basic methodological approaches to the development of a theoretical model of a linguistic form of a new Criminal Code.

Based on a natural-language approach, the author highlights that the language of criminal law is a system of lexical and grammatical means of expressing the content of normative and legal regulations of criminal law (criminal law prescriptions). An ontological status of the criminal law language of criminal law is determined by the fact that it belongs to a natural (for the Criminal Code of the RF it is the Russian language) language and a genre that is adapted to the sphere of criminal law regulation. It is proved that two main characteristics, namely accuracy and clarity, are inherent in the language of criminal law. Accuracy is defined as a maximum compliance between a legislative thought (legislative will) and an expression of that thought (will) in the wording of a law; clarity means certainty, distinctness of an expression of a legislative thought (legislative will) in the wording of a law. It is argued that the language of criminal law is a specialized language designed primarily for professionals and lawyers, and for citizens, to whom criminal law prescriptions are addressed, it is enough to have a general idea that they are prohibited to commit acts defined in the Special Part of the RF Criminal Code as crimes under threat of penalty. However, this statement should not be considered as absolute, because a number of permissive rules are included into the system of domestic criminal law that give a person the right to cause harm while respecting established criminal law requirements; these conditions shall be prescribed in a natural plain language that is understood by its main recipients - "ordinary people" — without any unknown, little-known, highly specialized criminal law terms.

The author offers using main methodological approaches to develop a theoretical model of a linguistic form of a new Criminal Code of Russia that are based on both per se juristic methods (comparative-legal and historical-legal) and methods inherent in linguistics (linguistic descriptions, contextual analysis, an interpretive method).

Keywords: criminal law, language of criminal law, ontological status, style of a criminal law, the accuracy and clarity of criminal law prescriptions, natural-language approach, legislative term, blanket terminology, defining concepts and terms, figurative and expressive means of a language

BIBLIOGRAPHY

1. Kuznetsova, N. Effectiveness of criminal law norms and the language of the law // Socialist Legality. — 1973. — № 9.
2. Lopashenko, N. A. Crimes in the sphere of economic activities (Commentary to Chapter 22 of the Criminal Code). — Rostov-na-Donu, 1999.
3. Jani, P. S. Problems of criminal responsibility for economic crimes // Legitimacy. — 2001. — № 1.

³³ The first part of the article see: Kostrova M.B. A Theoretical model of a linguistic form of a new Criminal Code of Russia. Part 1. Theoretical approaches to understanding an ontological status of the language of criminal law // LexRuscica. 2015. № 12 (v. CIX). PP. 87—103.